

Санджара Янышева называют «ташкентско-московским» поэтом. Он перепробовал множество профессий, но главное для Санджара, по-моему, это то самое хлебниковское «ходить и петь». Лет двести тому назад он просто взял бы котомку, оседлал ослика и поехал странствовать по свету. Восточная модель отношения к миру звучит постоянно в стихах Санджара, многие его тексты похожи на притчи, их хочется слушать под звуки сурная или сато. Детство, любовь, смерть, изменчивое и вечное, бегущее и тихо наблюдающее со стороны подобно старцам из «Белого солнца...» – внимай, читатель, поставив рядом пиалу горячего чая. А потом из-за дымящегося казана вдруг выйдет к тебе повар в засаленном чапане и спросит: - Эй, Хусан, где брат твой – Хасан?

Д. Л.

БЛИЗНЕЦ

Один повар мне и говорит:

Притворись Хусаном, будь иногда Хусан.

Пусть жена по четвергам тебя не будит, пока солнце не зайдёт,

А сама тем временем твои ступни, живот и мочки твоих ушей

Натирает этим именем; пусть настаивает его

В тёмном сухом месте – да хоть бы и в чреве своём, –

А потом по одной средней пьялушке два раза в сутки тебе даёт.

Это будет разумно, ибо ты рожден не один.

Ты – близнец. Погляди-ка в крышку моего казана:

Вот этот кусочек коричневой луны – это ты,

А вот этот, побольше, – твой брат...

Он вышел первым. Но знаешь, как у нас говорят:

Старший – более умный – он выходит вторым.

Он младшего посылает: «Иди, посмотри, что там?»

Если все в порядке, кричи!» – И младший идет, и зовёт.
Ты слышал зов? ты не спутал его ни с чем?
Ты спешил или ждал?
Ты забыл или спал?
Эй, Хусан, где брат твой – Хасан?!

БАНДАЛИК¹

...И ровно в полдень мы тронулись в путь.
На мне было стёганое атласное одеяло,
Напомнившее чапан, в котором я когда-то женился,
И, словно в дополнение к этой синей памяти,
Два пушистых зверька с белыми животами –
Я и моя жена – сопровождали процессию до поворота,
Где начался встречный поток автомобилей,
Где начался встречный поток жизни.

Незнакомые люди забывали, куда шли до встречи со мной,
Они выходили из машин,
Они говорили детям: «Ты иди, я догоню»,
Они пристраивались спереди –
В единственную на земле очередь,
Начинавшуюся не с хвоста, а с головы, –
Чтоб хотя бы метр пронести мои носилки,
Чтоб хотя бы на минуту приобщиться к шествию.

Мы двигались вдоль пустынных трамвайных путей,
Которые через месяц разберут:
Уже теперь они напоминали йодистую сетку
На спине вчерашнего пневматика,
Однако ни один из моей свиты
Не пересёк границу мелкого гравия.
Через час мы прибыли на место
И возблагодарили Бога, что путь окончен,
И возблагодарили Бога, что путь – был.

Никогда ещё мы не были такими зрячими, такими чуткими.
И хотя я не мог приложить ладони к своим ушам,
Я видел, как это сделали все до единого
Мои попутчики, мои советники, мои незнакомцы.
Потом подходили к крану и полоскали руки.

---

¹ Слово соболезнования, сочувствия, сопричастия (узб.).

И не было полотенца. И стряхивали капли,
Пробуждая мириады чертей, бесенят,
Которые – кому могли повредить?

Наконец, меня поднесли к моей келье (землянке),
И человек – кажется, мой сын, кажется, мой старший сын –
Помог мне в неё спуститься.

Он придерживал моё почти невесомое тело,
Покуда оно занимало место в выложенной кирпичом нише,
Он бережно меня посадил, приобняв напоследок,
Он сказал: «До свидания, папа»
И оставил меня с моей мыслью – один на один.

А еще он сказал: «Бандалик» – или это была *моя* мысль?
Бандалик, дорогой мой.
Бандалик, мой самый счастливый день.
Бандалик, мое пешее солнце.
На-най, на-най,
Бандалик!

Я УБИЛ

Она спала под фанерой, за окном,
рядом с сохнувшим бельём.
Мне кажется, их было много,
тёплых мохнатых комочков,
перемогающих день в мокричном убежище.
А я отогнул фанерный лист
и извлёк на свет слепое крошечное существо.
Я не хотел его убивать, это вышло случайно.
Мы часто в детстве ломаем машинки и куклы –
с единственной целью: понять их устройство.
Мне было четыре года.
Наверное, ещё раньше я убил
несчётное количество жуков, муравьёв, мотыльков –
не говоря уже о мухах;
и совершенно точно – одну ужалившую меня в глаз пчелу...

Когда я оттянул прижатое к телу,
похожее на веер, крыло летучей мыши,
нечто близкое к восторгу,
трепету перед невиданной красотой мира,

его ужасом и хрупкой соразмерностью
ослепило меня –
не помню, как это произошло,
я проткнул одну из нежных перепонок,
и то, что в борьбе мужчины и женщины
даёт начало новой жизни,
принесло божественному рукокрылому созданию
скорую гибель.
Оно даже не пискнуло и, возможно, жило ещё целую вечность.
Вы скажете: ты не ведал... – да, я не ведал.
Вы скажете: все дети... – да, отвечу, все дети.
Но я помню её глаза, которые пытался разжать –
и помню чувство сопротивления материи,
которым не всегда измеряется
рождаемое нами зло.
Полжизни помню, дурацкой и ничтожной
своей жизни.
Возьмите вторую её половину!
Вот моё покаянное письмо.
Я ведь буду теперь прощён?
Не молчите – ведь буду?!..

МЁРТВОЕ ЖИВОЕ

Обнял дерево – а оно мертво.
Пригубил воздуха – он мёртв.
Раздвинул женщину – она мертва.
Выдохнул слово – мёртвое оно.
Записал – стало ещё мертвее.
Запомнил – мёртвое, мёртвое, мёртвое.
Лёг в могилу – и земля мертва.
Подумал о прошлом, подумал о будущем – пустое и мёртвое,
мёртвое и пустое.
Встал, ощупал дух, понюхал тело – мертворождённое,
мертвоумершее.
Даже мысль – и та мертва, потому что о мёртвом, о мёртвом.
И пришла любовь, и убила всё мёртвое.
И поставила меня стеречь это мёртвое.
Почему меня? – живых спросите.
Налейте чаю.

ЖЕНЩИНА

У него рассвет, как нить.

У тебя закат, как масло. —

Говорила она мужчине.

[У него хвост спереди.

У тебя он сзади. —

Так она не говорила.]

Он гений порыва.

Ты гений осады. —

Утешала она мужчину.

[У него позвоночник.

У тебя живот. —

Так она не сказала.]

У него минута.

У тебя вечность. —

Напоминала мужчине.

[У него вершина.

У тебя плато. —

Об этом она молчала.]

У него песок в ботинках.

У тебя гравий. —

Беспокоилась за мужчину.

[Он умрёт в будущем.

Ты умрёшь в прошлом. —

Молчала и сосала язык.]

Это меньшее, что она могла.

Это высшее, что она могла.

Верная с молодых ногтей. Верная дотла.

ПРИЧИНЫ

Каждый год — что-то новое.

Невиданный урожай яблок.

Обнаруженное в глубине сада около вечно запертой калитки тутовое дерево.

Новая тропинка между холмами.

Дырка в мочке (пересёк экватор? родил третьего сына?).

Любовь, не ждущая выхода.

Мысль, не требующая завершения.

Поцелуй в колено.

Прикосновение босой пятки к позвоночнику.

Очередной трофей для фарфорового зверинца.

Покупка роликовых коньков.

Соблазн прозы.

Кусочек сахара от Резы Мир-Карими.

Смерть.

Каждый год – нечто новое.

(«А ты что видишь?»)

* * *

Мужчина без женщины дичает.

Покрывается шерстью.

Начинает пахнуть непотраченными гормонами.

Бросает под ноги окурки и кусочки рифлёной бумаги.

Разбивает машину.

Перестаёт отжиматься от пола и экономить электричество.

Идёт в Макдональдс.

Обзаводится старыми друзьями.

Приобретает микроинфаркт.

Бросает пить.

Изобретает средство от рака молочной железы.

Возвращает женщину.

* * *

В августе, в сумерках, две подружки,

Маша и Саша,

Ловят в траве кузнечиков на шорох.

(Кузнечики издают шорох и ловят на него Машу и Сашу.)

Потом, зажав им лапки – каждая своему, – сталкивают лбами: чей чьего первым сожрёт.

Полжизни спустя Маша каждое лето ездит в Москву: пять монастырей обойти, губами к Матроне, лбом к Спасителю, в Кандалакше с этим

похуже, да и тянет на малую родину, чо там.
Жирного палтуса Маша привозит Саше.
Пива берут авоську; вспоминают общего Борьку, что был Машкин,
потом стал Сашкин, а нынче уж нет его больше нигде, бя, слышишь,
подруга, НИГДЕ!
После к полуночной речке выходят, чтоб никто не мешал предосеннему
стрёкоту и верещанью.
И Саша хрустит челюстями.
А бывает, что Маша.

ЭЛЕГИЯ ТРИ

Мы встретились спустя девятнадцать лет, и позволь,
я скажу, о чём ты думала,
глядя на меня.

Что нищета пожизненна, как группа крови.
Что давай, как в юности, заменим любое слово на «потёбня».
Что после Фриды не надо брить лобок, ни выщипывать брови.
Что хочется выдернуть из-под самодовольной задницы крашенный стул.
Что никто не гений, раз этот продул.

...Мы шли мимо торговцев ичигами и кавушами,
абрикосами и кремниями,
мячами и мечами...

Не помню, кто шёл впереди – но вдруг, спустя девятнадцать лет,
это проявилось во сне.

Зачем? – стал думать: кто ты была и кто я?
Мы что-то покупали – шли к Петру Муслимовичу.
Я вёл тебя с ним как моим божеством знакомить.

А выяснилось: все эти годы он тебя помнил.
И помнил всё, что говорил нам тогда.
Много лишнего нам говорил, тебе говорил.
Откровенного, непостижимого говорил.
Ты не должна была это слышать, и приходить не должна была – со
мною, к нему.
Поэтому память ранена, всё еще ранена, да.

Воспарить мешает, предна чертанному – стать.
И вот я дал ему слово, что ты всё забыла – как только ушла.
Что тебя попросту не было, я сам почти в это верю...
Я снял с него груз: простить – значит забыть, сколь воды ни глубоки.

Простите оба, Петр Муслимович и ты.

Будьте счастливы, как память богомола, счастливы и легки.

* * *

Ушёл в осень.

Уехал в зиму.

Уплыл в весну.

Улетел в лето.

* * *

Моя покойная тётка говорила моему брату:

Мальчики, не женитесь на вдовах и разведённых.

Девушку из неполной семьи не берите.

Не женитесь на тех, кто старше.

Тех, кто сильно моложе, берегитесь как в лесу дикого зверя.

Избегайте красивых.

Слишком умных тоже не надо.

Не сватайтесь к нищим.

Богатство – нет большего горя.

Образование – хорошо, но не всякое.

Слишком простых – ну, тут тоже понятно.

Пусть не делает различия между собаками и кошками.

Между зимой и летом.

Богом и чертом...

А попроси её заварить тебе чай.

Пусть обдаст мытый чайник кипятком,

Пусть заварку берёт не ложкой, а пальцами, не уронив на стол чайники;

Пусть укутает чайник полотенцем, пусть слегка его потомит...

Пусть дважды нальёт и дважды вернёт обратно.

Пусть подаст тебе чашку, наполненную на две трети, пусть соединит свой взгляд с твоим...

А вы как хотели?

Жену найти – не лёгкое дело.

Но хорошую жену легче сделать счастливой.

И только это по-настоящему важно, только это.

Женщина должна быть счастливой.

ЧУДО

Оживший человек похож на каперс.
Он цельный, ибо только что был деревом.
Он так и говорит (ещё не вполне членораздельно):
«Вижу-проходящие-деревья». – «А людей? людей
видишь?» –
«Нет-вижу-воду». (Он только что был водой.)
«Вижу-турбину-гидроэлектростанции-
гигантский-оселок-
вращающийся-жернов.

Эй-не подходи-ко-мне-опасно.
Что-делаешь-
за чем-плюёшь-мне-веки».

Оживший человек бьёт воздух.
И вот он начинает крик, который зовут плач:
как будто рвут его на части, сейчас уронят.
Он видит человека

Светлана Кочергина. Оптимизм.
Холст, масло, 50X60.